

A surreal landscape painting. A dirt road leads from the bottom center towards a single tree on a hill. The sky is a mix of blue, purple, and yellow, with a bright sun in the center. The ground is divided into green and yellow fields. The overall style is expressive and colorful.

СЕРЖ ВАЛЕДЖИ

Я-ИСТИННЫЙ СВЕТ

Серж Валеджи

Я – истинный свет

«Автор»

2019

Валеджи С.

Я – истинный свет / С. Валеджи — «Автор», 2019

Дорогие читатели! Три разных истории, которые разделены временем, местом, жизненными ситуациями. Но их связывает одна общая идея: помимо внешних обстоятельств, герои ведут борьбу с самими собой. А вот, одержали они верх в этой борьбе или нет, можете решить вы сами. События развиваются динамично и интересно. Истории не перегружены и читаются на одном дыхании. В рассказе "Не герой", сюжет раскрывается с двух сторон, что вносит приятный колорит. "Путь к свету" находится в категории исторического фэнтези, в основе лежит библейская история, чудо Иисуса Христа, когда он исцелил двух слепых. Описывается предыстория их встречи, приключения и чудеса. Завершает книгу "Последняя игра", смесь таинственности и интриги, до самого конца не ясно чем завершится история. Приятного прочтения!

© Валеджи С., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Не герой	5
Павел	6
Фарида	10
Эпилог	12
Путь к свету	17
Пролог	18
Глава первая. Чужак	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Серж Валеджи

Я – истинный свет

Не герой

герои совершают подвиги,
и память о них живет века,
а не герои спасают жизни,
но о них не помнят никогда.

Павел

Моя любовь спускается к реке
За спиною два больших крыла
Несет забытое в одной руке
В другой, что сказано со зла
Босые ноги топчут траву
Траву сомнений и обид
Терпением перелистывает главы
Не прочитанных упреков стыд

(из блокнота Павла «Моя любовь»)

Прохладный ветерок порывами мягко гладил траву на холме, и она, словно приветствуя его, то сгибалась к земле, то снова вставала в полный рост. Хотя и было жарко, – пот пропитывал одежду, которая становилась мокрой и липкой, – все же ветер некстати: очень сложно разглядеть какое-либо движение. А ближе к селу чаще, словно часовые, росли кустарники, да и трава выше и гуще. Но они где-то рядом, так как утром недосчитались одного часового.

– Командир, там кто-то есть! – слегка прищуриваясь, шепнул Павел.

– Тихо, где? – словно успокаивая, спросил капитан.

Солдат кивнул и показал на холм. Там действительно кто-то возился? Или все-таки трава? Как же мешал ветер! Нет-нет, это какое-то живое существо, так как стало отчетливо выделяться что-то черное, возможно, голова, может, бок. Собака? Через мгновение все прояснилось.

– Это же пацан, – процедил командир, а на холме появилась маленькая фигурка мальчика лет семи.

Как он там оказался? Что делал? В голове роились безответные вопросы. Послышался свист, яростно нарастающий, и стало страшно: все поняли, что он означает. Павел рефлекторно сжался, и в этот миг – грохот разорвавшейся мины, затем другой, – тело ощущало дрожь земли. Взрывы один за другим подбирались к малышу, который от ужаса не мог шевельнуться и стоял в растерянности, не зная, куда ему деваться.

– Что они делают? Неужели не видят, кто там? – выпалил Паша и сорвался с места, кинувшись к холму, к той маленькой беззащитной фигурке, непонятно как оказавшейся в центре обстрела.

У домиков в селе замелькали тени, и сухие автоматные очереди добавились к свисту и грохоту. Боевики находились дальше от холма и селение было ниже, да и, скорее всего, ждали ответных действий, ведь вечером они пленили часового. Все были на взводе, поэтому и не стали разбираться кто там на холме.

– Стоп, дурак, куда!?! – заорал что было силы капитан, но остановить то, что уже случилось, было невозможно. Сухое морщинистое лицо снова перекошилось в крике, уже вызывая к разуму. – Стой, приказываю, солдат! Ты его не спасешь и сам... – крик утонул в грохоте разрывающихся мин.

Паша мчался со всех ног, отбросив все сомнения, в полный рост, напрямик, не обращая внимания на бронежилет, который туго обхватил его тело и мешал дышать полной грудью, на автомат, который прыгал сзади, как бешеная собака на ремне, вторя его движению. Забыл

про страх, который всегда сковывал его, ведь мгновение назад он единственный сжимался от разрывов, собираясь всем телом в комок, как будто такая поза защитит. Над ним часто смеялись, выставляя напоказ его трусость. Вчера...

Вчера, когда они попали в засаду, и завязалась перестрелка, он забился, как заяц под куст, обхватив автомат. Все вели бой, все кроме него, наверное, инстинкт самосохранения присущ не героям. Но сейчас! Любовь к той маленькой фигурке как будто взорвалась в нем, придав сил. Он летел, летел ястребом, который сверху камнем срывается к добыче, летел навстречу пулям и взрывам, презирая страх, лишь цель – та маленькая фигурка, оказавшаяся посередине всепожирающей и никого не щадящей войны. Совсем рядом с малышом фонтаном взметнулась в небо земля, но солдат уже обхватил тельце и накрыл собой.

Капитан увидел поднятую руку и облегченно вздохнул:

– Жив, зараза! – И, обернувшись к радисту, приказал, – шли восточку домой: нас накрыли, в деревне боевики, у них минометы, пусть прикрывают с воздуха.

Мальчик плакал и вырывался, но вставать нельзя, – здесь, на холме, они как на ладони.

– Тихо, тихо, все будет хорошо, – пытался успокаивать ребенка Павел, – пришел добрый дядя, он тебя спасет, ты только не кричи, а слушай, вот сейчас за нами прилетят вертолеты и заберут нас. Ты когда-нибудь летал на вертолете?

Больше он не знал, что говорить и от шума перестал себя слышать, как будто все звуки кто-то выключил. Странно, но именно сейчас он вспомнил, как со старшим братом ходил на рыбалку, и, когда они отплывали от берега, он очень боялся воды. Именно тогда удочка зацепилась, он ее дернул, и лодка наклонилась. Павел кинулся на другой край, и... Они с братом перевернулись. Он стал тонуть, тогда тоже пропали все звуки, а когда открыл глаза, – видел только пузыри, белые в желтой воде. Все это как во сне...

Павел вздрогнул и почувствовал руками вибрацию земли, она усиливалась, и сверху посыпались камни и трава.

Ребенок перестал плакать и возиться. Солдат хотел приподняться на руках, чтобы сильно не давить на него, затем осмотреться, когда почуял что-то у себя подмышкой. Подумал, какой-то упругий стебелек травы и дернул плечом.

Сильная боль... Хлопок... хлопок? Нет, это выстрел... на мгновение он замер... сейчас все пройдет, но боль усиливалась, а когда под бронезилетом струйкой потекла кровь, он начал терять сознание... Все как во сне...

Мальчик попытался выбраться из-под солдата, но никак не получалось, не хватало сил, да и расслабленное тело было тяжелым. От отчаяния он закричал, но его крик скрыл грохот вертолетов. «Не обманул», – мелькнуло в голове у малыша. Как хорошо, что он не видел происходящее. Если бы встать на холме и перевести взгляд на село, то его невозможно было бы рассмотреть из-за огня, смешанного с землей и кровью. Шум и сильный грохот, стоны и разрывающиеся на части тела от снарядов, которым безразлично кто ты, боевик или мирный житель, а может, чья-то мама? Холодные, бездушные, несущие смерть снаряды. Как хорошо, что он не видел происходящего. И еще никак не выбраться.

Он вспомнил вчерашний день, когда в село пришло несколько мужчин, среди которых был его отец, державший в руках револьвер.

– Ну, иди сюда, сынок, ты же джигит, на, – он протянул ему оружие, – учись. Неверные повсюду, они хотят поработить нас.

Когда пистолет оказался в детской руке, чувствовалась тяжесть, но было приятно, ведь все вокруг смеются и хвалят тебя. Как будто праздник, и у тебя настоящее детство, и нет войны, и это всего лишь игра. Но тут появилась мама, она ходила к колодцу за водой, в тот день она

очень плохо выглядела, бледная, уставшая. Сделав несколько шагов, она останавливалась и снова несла воду. Болезнь измотала ее.

– Что стоишь, иди, похвались, – подтолкнул кто-то его вперед, и малыш, подняв револьвер над головой, побежал навстречу матери.

– Мама, мама, теперь я джигит, смотри, – но, увидев слезы в ее глазах, остановился.

– Ты думаешь, оружие делает джигитами? – Она посмотрела на мужа и людей, которые его окружали. – Выброси это немедленно!

– Нет, я уже взрослый! – Мальчик сунул опасную игрушку в карман. – Давай я помогу. – Он взялся за ведро, но оно было таким тяжелым.

– Не надо, Усам, Усамчик, милый, оставь, – просила мама, а он, сделав шаг, упал и уронил ведро. Стоящие с отцом люди смеялись. – Ничего, не расстраивайся, я сейчас отдохну и схожу, – успокоила его мама.

Она не сходила, дойдя до дома, слегла, ночью чуть не лишилась жизни, а утром... Утром он, словно собака, пробрался в траве на холм, чтобы закопать револьвер, и вот лежит, тело врага тяжелое и никак не выбраться...

Все как во сне... Белые пузыри в желтой воде, и он идет ко дну, слышны далекие возгласы, ничего не разобрать лишь «Павел, Павел»... Неожиданно сильная рука брата схватила его, и вот он, свежий поток воздуха...

Когда Павел пришел в себя, было тихо, мальчик не шевелился, он почему-то его не чувствовал.

– Что с ним? – Он хотел приподняться, но не получилось, – мышцы не слушались. Еще раз... Безнадежно. Слух уловил шаги, странно, звонкие, но он, собрав всю волю в комок, стал шарить рукой автомат. Почему так темно?

– Вот здесь, но он в тяжелом состоянии, – послышался голос.

Павел открыл глаза и увидел, что лежит не в поле, потолок белый беленый, правда, потрескавшийся в некоторых местах, одеяло закрывало его тело, только рука сверху, рука, к которой подведена система. Неожиданно распахнулась дверь, и в проеме появилось добродушное, морщинистое лицо командира.

– Ну как ты, сынок? – Присел рядом военный.

– Ни... ничего, а вы выбрались, – улыбнулся Павел.

– Да, все получилось, с воздуха прикрыли вертушки, ну мы им и задали жару.

– А мальчик как? А родные у мальчика живы?

– Какие родные – махнул рукой командир, – месиво!

– Я... Да, чуть не забыл, командир, этому маленькому стрелку скажи, что я его спасать пришел, я не враг, а только хотел, чтобы он жил.

У мальчика дрожали губы, а сквозь закрытые глаза просочились слезы, в один миг детское сердце постарело. Шрамы войны обезобразили его личность. Как он будет двигаться по жизни или, вернее, кем он станет, чему позволит прорасти в сердце: ненависти или чему-то хорошему? Сейчас его сердце настолько сжалось, затвердело, словно кусок камня. Ведь никого, никого из родных не осталось.

В палату вошел человек в белом халате:

– Товарищ капитан, пора.

– Да, ухожу. – Командир, выходя в дверь, сделал кулак. – Держись.

Медбрат наклонился над Павлом.

– С мальчиком все в порядке?

– А ты знаешь, солдат, что это он тебя револьвером? – Убирая иглу, спросил тот.

– Знаю, – прохрипел Павел, – но он не виноват, – война виновата. Если мы покажем ему, как нужно жить, тогда он сможет увидеть разницу.

– Кто будет показывать? Кому нужен этот звереныш? Пока его сюда везли, он сопровождающего два раза укусил.

– Этот малыш считает нас врагами и боится. Мы пришли с оружием и смешали кровь и землю. Там же похоронили его семью. Нужно время что бы завоевать доверие. Ему нужен не герой, а друг, который его научит различать плохое и хорошее.

– Еще чего, учить. Издержки военного времени. Честно! Я бы на корню убирал таких субъектов, – унося систему, бросил медбрат и закрыл дверь.

Проводив его, он перевел взгляд на соседнюю кровать и увидел мальчика, его глаза были закрыты, а грудь монотонно вздымалась.

– Жив, – шепнул Павел, теряя сознание...

Фарида

Моя любовь обуздывает злость
Собрав с собой воспоминаний бремя
Бросает все в большой костер
Называется который время
Тревоги радостью полечит
Спрятав их под вечера покров
И новый день я жизнью встречу
Потому что есть моя любовь

(из блокнота Павла «Моя любовь»)

– Сними с головы мешок ,– приказал Ахмат. – Эй солдат, ты пришел в мой дом и думаешь, не будет последствий.

– Оставь его, он же еще мальчик, – вмешалась Фарида.

– Молчи, женщина! Этот мальчик пришел с оружием и, не задумываясь, взял бы мою жизнь или твою, а, может, и нашего сына.

– Вчера ты принес нашему сыну оружие, и ты из нашего сына делаешь убийцу!

– Я учу его защищаться и, если для этого нужно убить, то так тому и быть.

Солдат дрожал от страха и не мог поднять глаза. Он совершил ошибку, уснул на посту и его взяли в плен. В части много рассказывали, какие коварные «боевики», безжалостные, как они умеют издеваться, все это записывать на видео, а затем показывать для устрашения. Пока ты в отряде, никогда не допускаешь, что это произойдет с тобой. Но вот произошло, и он дрожал от страха и не мог поднять глаза.

– Махди, скажи всем, чтобы приготовились к бою. Расставь дозорных, скоро его отряд будет здесь,– отдал распоряжения Ахмат.

– А ты, – обратился он к женщине, – иди, собери Усана и уходите.

– Не этот солдат развязал войну, не этот беззащитный мальчишка, оставь его, и уходите сами, – предложила женщина. Ахмат был сильный командир и ударил бы женщину, которая перечит ему. Но это была Фарида, жемчужина, которую он любил, она подарила ему молодого львенка, Усана. Но злость кипит в нем и ее нужно высвободить. Он выхватил пистолет и выстрелил в солдата, и тот упал возле забора.

– Нет! – Крикнула женщина.

– Ты жалеешь этого выродка!? Я его только ранил, но ему всё равно конец! – Фарида, словно птица, метнулась в сторону испуганного и кричащего от боли солдата, закрыв его собой.

– Уйди!– Крикнул Ахмат, – Махди, возьми еще кого-нибудь, и оттащите ее.

Но женщина отбивалась что было силы. Она взмолилась:

– О Аллах, дай сил, защитит эту жизнь, может когда-то и моего сына защитят!

Ахмат не мог больше смотреть на этот неравный «бой».

– Оставьте ее, солдат всё равно сдохнет. – Когда они ушли Фарида, присела и посмотрела на рану, вокруг которой словно озеро краснота пропитала одежду. Каждый вздох сопровождался небольшим выбросом крови, вдох и новая порция. Она посмотрела в глаза и заметила, как они быстро тускнеют. Точно скоро жизнь покинет его.

– Мне конец? – Шепотом спросил солдат, глядя на озадаченный вид женщины. Затем, собрав последние силы, положил руку на рану.

– Мне конец,– сделал вывод он и заплакал, глядя на окровавленную руку.

– Скоро рассвет, – начала Фарида, – поэтому так тихо, тебе нужно набраться сил. Закрой глаза и поспи, Все будет хорошо, а я буду рядом и разбужу. – Она поняла, что скоро все закончиться, но нельзя его оставить одного в этот момент, ему так страшно. Эти слова успокоили солдата, как будто мама подошла и накрыла его одеялом. Вот и последний вздох, выдох и тишина...

Забрезжил рассвет, кроваво красный, предвещающий что- то неприятное. Прохладный ветерок порывами мягко гладил траву на холме, и она, словно приветствуя его, то сгибалась к земле, то снова вставала в полный рост. Хотя и было жарко, – пот пропитывал одежду, которая становилась мокрой и липкой, – все же ветер некстати: очень сложно разглядеть какое- либо движение.

– Там кто-то есть, – крикнул Махди, – да, это, они, они пришли.

Бухнул миномёт и снаряд отправился в сторону появившейся фигуры. Снаряду неважно кто это, солдат, мирный человек или может быть чей-то сын...

Эпилог

Машина остановилась у кладбища. Город мертвых тишиной встречал пришедших. Мальчик вышел из машины и взял цветы, еще раз посмотрел, точно ли это здесь. Немного помявшись, обернулся и спросил:

– Дядя Паша, ты идешь со мной?

– Да, Усан, сейчас...

Павел, преодолевая боль, вылез из машины и, подойдя к мальчику, взял его за руку. Именно на этом кладбище похоронили останки погибших в селении. Установили плиту с именами, вот и все. Они, как два угрюмых путника дошли до этой, своего рода «стены плача». Паша пробежал глазами по строчкам с именами и нашел то заветное важное для мальчика.

– Вот здесь, – показал он ему пальцем. Усан приложил свою маленькую руку на холодные строчки. Мальчик поводит пальцем по выгравированным буквам. Для него достаточно, что среди массы имен есть это имя, важное имя.

– Мама, – шепнул он и заплакал.

– Пусть поплачет, – подумал Павел и присев рядом, достал блокнот. Последнее время стихи будоражили его душу, и он решил записывать их. До этого они просто жили, бесцельно существовали в его голове, а сейчас требовали выхода. Две мрачные фигуры еще какое-то время находились около плиты, наконец, Павел закрыл блокнот и встал.

– Ну что, герой, идем. После нам действительно нужно будет совершить подвиг. – Солдат посмотрел в блестящие глаза мальчугана и с улыбкой продолжил, – нужно сказать моей маме, что я возвращаюсь не один.

Павел не считал подвигом безумный шаг по спасению ребенка, не знаю, что думаешь ты, мой добрый читатель. А Фарида, прикрыв собой солдата? Может это всплеск чувств и эмоций, материнский инстинкт? Можно ли это считать подвигом? Не берусь судить.

Но я уверен, что взять ответственность за жизнь человека, остаться неравнодушным к боли другого, вернуть доверие мальчику, потерявшему все, научить его любить и смеяться, – это точно подвиг. Поэтому иногда нужны не герои, а друзья, которые могут совершить чудо.

Из блокнота Павла:

«Баллада о генерале»

1 часть

– Вперед! – Крикнул молодой генерал

И притопнул ногой для острастки.

Он еще что-то долго кричал:

Ведь солдаты для него только каски.

И вот шеренга за шеренгой

Бьют дружно землю сапоги,

Рвутся звуки песни не допетой:

То в бой пошли уже полки.

Ах, как же наш герой победы жаждал,

Готовый в бесславии сорвать венец,
И представлял, как старый маршал
Его похлопал по плечу: «Ты Молодец!».

Но наутро преграда: встали войска.

Генерал:

Быстрей доложить, что случилось!

Адъютант:

Впереди большое поле овса
И те люди, что над ним потрудились.

Генерал:

Что ты медлишь, нерасторопный плут!

Не на прогулке мы, а на войне!

Не потерплю я никаких преград и пут,
Зови их, кто там, пусть идут ко мне!

* * *

Генерал окинул взором трудяг:

То был старик со своей семьей.

Генерал:

Что ты упрямишься, глупый червяк!

Все завоевано, стало нашей землей!

Старик:

Земля не моя, не твоя, а Бога,
И мы все под Его солнцем живем,
Кто знает, какая ждет нас дорога:
По Его воле пашем, сеем и жнем.

Генерал:

Твоя простота, старый лапоть,
Удивляет, но мне чужда краса.
И поверь: никогда я не буду плакать
Посреди какого-то поля овса!

Старик:

Ты не плачь, окажи просто милость
Это поле не топчи, обойди,
Чтоб нашей семье беды не случилось.
А хочешь, гостем у нас день обожди.
Уж мы постараемся, поле враз уберем,
Житницы в зиму наполним.
Дети будут сыты, не умрем,
Да и солдат твоих вдоволь накормим!

Генерал:

День подождать? Это смешно!

Ну что же, я, наверно, устал.

Иди с миром, старик, хорошо...

А сам адъютанта к себе подозвал.

Пристукнув каблуками, тот приказа ждал.

Генерал:

Мне не нравится эта упрямая желчь.

Хочу, чтоб ты их всех связал,
На поле бросил, а поле сжечь!

У солдат, что приказ исполняли,
Дрожали руки, но пламя беспощадно.
От крика уши они свои затыкали,
Лишь генерал улыбался злорадно.

Да, вот победа, та, что жаждал,
В беславии завоеванный в руке венец,-
Награду вручал пузатый маршал
И похлопал его по плечу: «Молодец!».

2 часть

Ах, года, они пострашнее любого врага,
Их нельзя одолеть на «авось»,
Не помогут ни ум, ни отвага,
Ни стратегия, ни сила, ни злость.

Неохотно, но сдался им генерал,
Стал уставать от долгих походов.
Уж больше не топал и не орал, -
Неспособным прослыл воеводой.

Держать такого нету толку.
Пусть на печи трясет своею бородой:
Наспех дали отставку матерому волку,
Прямо сказав: «Ступай-ка домой!».

Обида грудь углями жгла,
Скажите, как же дальше жить?
А дома горе: мама умерла,
И вот вернулся сын, чтоб хоронить.

Еще не мог спокойно спать:
Едким дымом поле представало.
«Скажите, где же помощь мне искать,
Чтобы видение в покое оставляло?!»

Наутро встал, скрепился генерал,
Усы поправил, купил коня
И натужно сохой поле распахал.
В конце хлебнул воды с ковша

И руку в землю запустил, присев:
Мягка, тепла, готовая рожать!
Немедля взял овса и начал сев.
Пот рукавом смахнул: «Дождя б».

Но день, другой светило не перестает палить.
Еще беда: восточный ветер иссушал.
И не выдержав, воду стал ведром носить, -
Но огромно поле, он один – устал.

Пав на колени, закричал: «Боже!
Да, я ничто и жил доселе зря,
Без сердца, без совести и что же?
Прости, мой милосердный, дай дождя!»

Сменился ветер, полетели густо облака,
Содрогнулось громом небо и, кропя,
Прорвалось, и из небесного потока
Жадно напивалась истомленная земля.

Как рад он был, и прошлое забылось.
А помощь Бога крепко на сердце держал.
Вот в благодарности земля заколосилась,
И каждый колос в семя возмужал.

Но страшный грохот, пыль и гарь
Его тревожат, – не придется радости испить.
И в поле бросился он, как дикарь,
Раскинув руки, будто сможет защитить.

Приближался шум, приближался, смерти вторя.
Он понял: ничего ему не изменить.
Пробравшись, встал на середину поля,
Окинул взором море, что не один взрастил,

И крикнул, что было силы: «Боже, как же?
Ты милосердно меня в беде не оставлял.
Сейчас, поверь, мне очень страшно...»
Но, успокоившись, чуть слышно прошептал:

«... Кто я такой, чтоб плакать,
К солнцу стоя лицом?
Кто я такой, чтоб алкать
Посреди-то поля с овсом?»
Но слезы скользят, как корабли,
И в палящих лучах сгорают.
Ноги гудят от стонов земли:
Люди вновь войну разжигают.

И вот, стволами вдаль глядя,
Эскорт из танков у края поля встал.
Кто-то шел, и от шагов тряслась земля
В броне предстал железный генерал.

Железный генерал:

Кто ты, что, стоя здесь, мешаешь мне,
Одетый в рубище и плоть,
Я – в сталь одет, рожденную в огне.
На что надеешься? В чем твой оплот?

Поверь, снаряду тебя не будет жаль.
Неужели сила в этой немощи живет?
Иль думаешь, что плоть разрушит сталь?
А может, кто в засаде твоего сигнала ждет?

Старый генерал:

Здесь я, измученный, усталый и один.
Говори хоть что, отсюда не уйду.
Поверь, прожил я долго, до седин,
И об одном прошу: оставь мою мечту.

Я генералом был, как ты сейчас,
И за победу сражался очень пылко,
Но стал не нужен, когда огонь в груди угас.
Прошу, не соверши моей ошибки.

Постой! Не говори, что ты не будешь плакать,
Я когда-то говорил, но это только грезы.
И пусть тебе меня не будет жалко,
Но посмотри в глаза, что видишь? Слезы.

Одно я знаю: Богу земля принадлежит,
От самого рождения Он силой нас питает,
Можешь землю на части разделить,
Но Бог любовью в сердцах объединяет.

Я счастлив, что ты знаешь мой секрет.
Смерти не боюсь, не надо так смотреть.
Ты ждал ответ, так вот ответ:
Убьешь меня, убей. Что смерть?

Я все сказал, верши свой суд нелепый,
В войне не может правды быть.
Давай же, генерал! Ты молодой и смелый
И должен храбрым, беспощадным слыть.
Все, уходи и знай, что я тебя простил.
И генерал ушел, не зная, что в ответ сказать.
Старик стал на колени, голову склонил
И не увидел, как танки стали поле объезжать

Путь к свету

«Этот свет был истинный свет,
освещающий всех, кто рождается в мир»
Евангелие от Иоанна глава 1, стих 9.
(в переводе Российского библейского общества)

Пролог

« Ты стоишь на коленях и жаждешь милости и прощения, так иди и знай: тяжелым будет твой путь. Но не страшись, Я с тобой.

Все начнется в селе, где умерла вода, доверься, и ты оживишь ее Моею силой через руки свои. Воздай хвалу как Сущему, и Я сделаю твой путь короче вдвое, дам брата тебе.

Неустанно к Мертвому морю направляй стопы твои и оставь ожившей воды. В городе не соблазнься на зло, помни: в посохе сила, собранная Мною от пройденного пути.

А после явится зверь. И когда предстанешь перед хищником, жаждущим крови на рану клятвы своей и желающим поглотить город, помни, что клятва человека – пустой звук, лишь слово Мое – твердыня.

Считающего себя храбрым напои тем, что оставил от умершей и ожившей воды, и откроется слабость его, он получит возмездие за злодеяния свои. Помни это, ибо от злобы уготованной зверем погрузишься во мрак по меркам человеческим навсегда. Но сгинет зверь от раны в груди.

Ты же возле Иерихона увидишь свет. Следуй за Ним, в Нем Моя милость и истина. Никогда не забывай: велико имя Мое, и слово Создателя крепко».

– Отец, это загадка? Я ничего не понял.

– Загадка? Отчасти выглядит как загадка, но больше всё-таки это похоже на пророчество. Ты не понял его? Не страшно. Чтобы разгадать суть сказанного, нужно пройти от истока к слиянию, но это не мой путь, и не мне сказано слово.

– А кому?

– Тому, кто это все мне рассказал.

– И ты тоже не можешь разобраться? – Искренне улыбнулся мальчик.

– Отчего, хотя не мне было сказано, я свидетель и знаю, как все произошло. Я даже был во тьме и увидел свет, хотя не обо мне речь. Но время пришло поведать и тебе. Да, время пришло. – Отец встал, снял свой халат и, усевшись удобнее, начал, – Слушай, только слушай внимательно, ведь если прослушаешь что-то, – не поймешь главного...

Глава первая. Чужак

– Все кончено, теперь мы в расчете, – худощавый мужчина бросил на стол мешочек с деньгами и откупные документы. В голосе звучала твёрдость и сила, хотя лицо выглядело усталым. Пыльная, пропитанная потом, одежда, а также растрёпанная и сальная борода говорили о проделанной работе, требующей колоссальных усилий и времени.

– Долг выплачен сполна, и, с этого момента, я для вас – не раб, не слуга, – никто! Сегодня же ухожу на родину.

– Хорошо, хорошо, – попытался его успокоить хозяин, застыв в улыбке. Затем искося посмотрел на бумаги, – кто же спорит, все верно, но... – Он некоторое время молчал, затем взвешивал мешочек, перебирал бумаги, делая вид, что очень сосредоточен и не терпит никаких отвлечений. Действия выглядели нелепо, слишком манерно, в общем, любой простак понял бы, что он намеренно тянет время. Но слуга, опьянённый мыслями о свободной жизни, упустил столь заметные вещи. Наконец, в комнату вошли двое подручных, крепкие ребята с каменными лицами, лишёнными всякого сочувствия. Когда они вошли, хозяин сразу осмелел:

– Ты свободен, это правда, но лишь одна услуга с твоей стороны, всего одна.

– А что, эти молодцы не годятся? – Указал на вошедших мужчин бывший слуга. – Что с ними не так? Неужели, это переодетые девицы?

– Лучше тебя с этим поручением никто не справится, – с серьезным видом прервал его хозяин, не обращая внимания на колкости, – ты неприметен и ловок, а эти болваны будут сразу распознаны. Так что...

– Нет! – Крикнул слуга. Тревожные предчувствия, как стрелы, пронзили душу. Он молниеносно достал нож из ножен, спрятанных в матерчатом поясе. Рука почувствовала знакомый вес, а натренированный на убийства мозг сразу расчертил всю обстановку в свою пользу. Но обещание! Он дал обещание Богу, что никогда ни кого не убьёт. Наконец, совладав с собой и сделав глубокий вдох, он продолжил:

– Я больше не участвую в ваших темных делишках. Разве ты не заметил мешочек на столе? Посмотри! А теперь послушай. Он не шепчет, он кричит: «Я свободен»!

– Не горячись, – успокаивая его, поднял руки хозяин, и, бросив короткий взгляд на двух подручных, перевел взор на нож. Нож, напоминал обоюдоострый короткий кинжал с маленькой круглой гардой, рукоять которого удобно лежала в руке владельца. – Постой, мы все знаем, никто лучше тебя не владеет этим оружием. Ты же из колена вениамина? Так? А, говорят, в вашем племени искусные метатели, – могут попасть даже в волос. Я им щедро заплатил за твое обучение. Так что, я не враг тебе, верь мне. Я лишь хочу договориться о последней услуге и обещаю щедро заплатить. Подумай, только внимательно все взвесь: вот ты сейчас вернёшься домой и что? Нищета, пойдешь побираться. А выполнив поручение вернешся не с пустыми руками.

– Видно, ты не понял! С прошлым покончено! Я возвращаюсь к Богу моих отцов. – Слуга резким движением сломал нож о край стола и бросил половинки к ногам хозяина. Этим действием он обрезал всякие мысли о насилии со своей стороны. «Как бы об этом не пожалеть, – мелькнуло в голове, – но нет, нужно идти до конца и оставить этот образ жизни, я же поклялся».

– Пусть лучше останусь нищим и пойду собирать остатки урожая! – Крикнул слуга вслух, – лучше так, но это случится среди моего народа, а не здесь, не с тобой. Я горячо молил Бога о прощении за сделанные мной злодеяния и дал обет. И Он ответил мне...

– Посмотрите, – с ядовитой ухмылкой вмешался в пыльную речь слуги хозяин, бросив взгляд на подручных, словно заручаясь их поддержкой, – наш отважный воин сошел с ума.

Бывший слуга почувствовал боль в затылке, видимо, один из пришедших нанес ему удар. В глазах стало темнеть, хозяин схватил его за грудки и шепнул в самое ухо:

– Так, что же тебе сказал твой Бог? Что...

Свет, приятный, даже какой-то нереальный, неземной озарил комнату. Веревки спали с рук сами собой, и он услышал голос:

«Вставай, я с тобой! Твердо помни сказанное мной, потому что исполнится все от начала до конца. Ты сам решил стать другим человеком и отказаться от прошлого, так смотри не отступи от обещания. Пройдя свой путь, узришь свет. Помни, я с тобой... Я с тобой...»

Он открыл глаза, затылок пронзала пульсирующая боль. В месте удара кровь запеклась, волосы слиплись, а руки, связанные за спиной, затекли. Как он мог так расслабиться и попасть в эту ловушку, словно наивный ребенок. Чувство близкой свободы расслабило до такого состояния, и расплата не замедлила показать свое лицо, вот, он связанный, лежит на пыльном полу недалеко от дверей. В мыслях путаница и сомнения: «Неужели голос в голове отголосок безумства? Зачем доверился ему? Еще чуть- чуть потерпел бы выходки хозяина, смирился, и свобода! Так нет, решил завязать с прошлым, вернуться на родину, узреть пророка, о котором так много слышал, и что? Лежит как грязное животное, снова оставаясь марионеткой в руках хозяина».

Слуга обреченно вздохнул и услышал как в голове зазвенели колокольчики. Очень странный новый звук, он напрягся и почувствовал, что веревки поддаются. Не веря происходящему, он быстро их высвободил, затем развязал ноги и встал. Утро еще не набрало силу потому в комнате темно, но различимы силуэты. В углу на циновке лежал хозяин, размеренно сопя, с головой укрывшись верхней одеждой. У порога прислонившись спиной о косяк, спал подручный, другого не видно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.